Я.В. Малькова

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ): СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Изучается языковой образ недоброжелательно настроенного человека в этнолингвистическом ключе. Основным материалом выступают данные русских народных говоров. Совокупность признаков, составляющих портрет недружелюбного человека, выявляется на основе семантико-мотивационного анализа лексем и фразеологизмов. Осуществляются реконструкция и этимологическая интерпретация ряда языковых фактов, до сих пор не описанных исследователями с точки зрения происхождения.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; этнолингвистический портрет; семантико-мотивационная реконструкция; лексика эмоций.

Недоброжелательность – многоаспектное понятие, которое связано как с внутренним миром человека, так и с его социальным существованием. Неприязненно настроенный человек обращает на себя внимание в обществе, поскольку он нарушает «обыкновенный» уклад и представления о взаимодействии между членами социума. Формируется определенный набор черт, который связывается в народном сознании с образом человека, который неприязненно настроен по отношению к другим. Этот образ закрепляется в языке и может быть реконструирован, в частности, с помощью семантико-мотивационного анализа. В статье будет предпринята попытка такой реконструкции на основе данных русских диалектов.

Внимание к материалам говоров обусловлено гипотезой о специфике воплощения представлений о недоброжелательности в традиционной культуре. Деревенский социум, как кажется, гораздо в большей степени, чем, к примеру, современное городское пространство, ориентирован на поддержание добрых взаимоотношений. В условиях сосуществования на ограниченной территории, тесного знакомства всех жителей деревни друг с другом и коллективного труда дружелюбие становится важнейшим качеством. Пренебрежение установленным типом поведения, в свою очередь, должно привлекать к себе внимание и, возможно, вызывать осуждение.

Как известно, исследователи нередко обращаются к изучению языковых портретов тех или иных социальных типов, реконструируя на основе лексико-фразеологических данных совокупность «портретных» черт. Так, к примеру, были исследованы образы интеллектуально неполноценного человека [1], обманщика [2], соперницы в любви [3], опытного человека, трудолюбивого и ленивого человека, изгоя (см. эти и ряд других в [4]) и т.д. Методике реконструкции портрета на материале образов священнослужителей посвящена диссертация Н.А. Сеницы [5]. При этом «совокупный» образ недоброжелателя ранее не рассматривался.

Цель данной статьи – сконструировать образ недоброжелательного человека на основе семантико-мотивационных отношений слов, принадлежащих

данному отрезку языкового пространства. В ходе работы решаются этимологические задачи в применении к названному материалу и осуществляется реконструкция ряда лексем.

В статье мы будем руководствоваться методикой этнолингвистического портретирования, которая использовалась в диссертациях Ю.А. Кривошаповой и Н.А. Сеницы. Этнолингвистический портрет включает в себя комплекс признаков, полученных на основе анализа мотивационных отношений определенных лексем, а также совокупность представлений, существующих в языке культуры в широком смысле [6]. В применении к нашему материалу это означает, что, помимо собственно рассмотрения семантико-мотивационных линий избранной для анализа группы слов, мы будем обращаться также в некоторых случаях к более широкому культурному фону. В частности, в рамках избранного для анализа отрезка семантического пространства это становится необходимым при этимологической интерпретации тех или иных лексем.

Если говорить о логической структуре «сценария недоброжелательности», то в ней можно выделить следующие компоненты: собственно эмоциональное состояние; носитель эмоции; объект, на который направлено чувство. Как уже было отмечено, мы сосредоточимся на конструировании заключенного в языке образа неприязненно настроенного человека. Попробуем очертить круг идеогем, который позволит осуществить названную цель.

Очевидно, что наибольшее внимание должно быть уделено лексемам, соответствующим такому компоненту прототипической ситуации, как субъект. Это слова с дефинициями 'недоброжелатель', 'недоброжелательница', 'недружелюбный / недоброжелательный / неблагожелательный / неприязненно настроенный человек'. Сюда же примыкают лексемы, служащие для обозначения признаков, характеризующих эмоции субъекта чувствования или черты его поведения ('недружелюбный', 'неблагожелательный', 'недоброжелательный'). Наконец, небезынтересно обратиться к лексемам с семантикой 'недружный'. Они отражают представления об отношениях, которые сопровождаются взаимной неприязнью, несогласием.

Как кажется, образ недоброжелательного человека не может быть сложен также без обращения к характеристикам поведения, поэтому мы будем рассматривать глаголы с дефиницией 'выражать неприязнь', а также наречия образа действия с соответствующей семантикой.

Собственно номинации эмоционального отношения (несмотря на то, что чувства относятся непосредственно к сфере субъекта ситуации) мы рассматривать не будем. В данном случае мы исходим из понятия точки зрения. Когда речь идет непосредственно об эмоциональном мире человека, номинацию, как кажется, чаще создает собственно субъект чувствования. В пример можно привести такие лексемы, как карел. *душá не рóбит* 'быть нерасположенным к чему-, кому-н.; душа не лежит' [7. Т. 5. С. 533], перм. *насёрдка* 'недоброжелательность; злоба' [8. Вып. 1. С. 568–568] (т.е. чувство расположено буквально «на сердце»). В номинациях же, связанных с обозначением неприязненно настроенного человека и его поведения, зачастую фиксируется отношение к такому человеку со стороны других членов общества, например арх. *вреднóй* 'недоброжелательный, неприязненно настроенный, дурной (о человеке)' [9. Вып. 6. С. 20–21], арх. *задélyваться* 'вести себя недружелюбно' [9. Вып. 16. С. 219–220].

Наибольшему вниманию со стороны языка подвергается **поведение неприязненного настроенного человека**. Во внутренней форме изучаемых лексем наиболее часто запечатлевается именно представление о действиях недоброжелателей.

Так, неблагожелательность выражается, прежде всего, в **недружелюбном взгляде**: печор. *как рублем одарить* ирон. 'посмотреть недоброжелательно': *Настáсья-то на меня вчерáсь взглянула как рублём одарíла; было бы из-за чего ревновáть, нужён мне ёйный мужíк* [10. Т. 1. С. 329] (т.е. презрительно, как на нищего), перм. *глядеть сентябрём* 'быть хмурым; выражать недовольствие, недружелюбие': *Посылали меня картовки караулить, ловить, кто воровать будет. Девка я, чё, не пошла – потом зачнут на меня сентябрём глядеть* [11. С. 81]. Как отмечает М.В. Ясинская, взгляд в традиционной культуре, подобно другим действиям, подвергается регламентации [12. С. 112].

Особо здесь выделяются помор. *косíться* 'ссориться, жить недружелюбно' [13. С. 184] ← 'посматривать искоса, сурово бросать беглым взглядом, злобно смотреть' [13. С. 184], помор. *косуха* 'та, которая злая, недружелюбная' [14. С. 73], арх. *на косых* 'враждебно, неприязненно' [15. С. 203], *накось* 'то же' [16. Вып. 19. С. 344–345], омск. *скосо* 'недоброжелательно, искоса': *А нехороша девушка была, свекровь скосо глядит* [16. Вып. 38. С. 110]. В данном случае реализуется мотив кривизны, в языковых фактах отражено наблюдение над поведением недоброжелательного человека, его непрямым взглядом, «исподлобья». По утверждению С.М. Толстой, в таких выражениях (обозначающих недоброжелательный взгляд) мы сталкиваемся скорее с вторичными значениями, однако «все же "пространственный" компонент значения в них в какой-то степени присутствует»

[17. С. 278]. Вторично возникшие смыслы же, по-видимому, в данном случае связаны с коннотацией «ненормативности» кривизны в славянской культуре [17. С. 279].

Представление о взгляде искоса фиксируют и лексемы с другими корнями, например влад. *искобénиться* 'неприязненно или высокомерно покоситься на кого-либо, состроив гримасу': *Я было к нему, а он так искобенился, что поглядеть страшно* [16. Вып. 12. С. 216] ← перм., урал., сиб., волог. 'изогнуться, искривиться' [16. Вып. 12. С. 216], ср. также устар. простореч. *кобénить* 'корчить, сводить судорогами' [18. Т. 5. С. 1083], смол. *из-под локтя поглядывать (выглядывать, смотре́ть)* 'косо, недоброжелательно смотреть, относиться к чему-либо': *Банки уш с-пад локтя выглядывыють, зляца* [19. Вып. 6. С. 47].

Однако, как нам кажется, здесь могут обнаруживать себя следы мифологических представлений о сглазе. Как известно, сглаз может быть вызван взглядом другого человека. Так, по результатам исследования М.В. Ясинской, «опасным считается взгляд, характеризующийся какими-либо особенностями (какой взгляд): исподлобья, <...> пристальный, слишком долгий взгляд на что-либо или кого-либо» [12. С. 134–135]. Подобные лексемы (фиксирующие аномальный взгляд) мы находим и в нашем материале: перм. *выбу́рить глаза* 'посмотреть исподлобья: недоверчиво, недружелюбно': *Кика-то, не тем помянена, до че, покойная, злая была. Скажешь че не в поправу, дак так и выбурит глаза* [8. Вып. 1. С. 131] ← урал. *выбу́ривать* 'высматривать' [16. Вып. 5. С. 250], волог. *озы́риться* 'взглянуть сердито, недружелюбно' [16. Вып. 23. С. 102], бурят. *сгя́дный* 'недоброжелательный, неразговорчивый': *Сосед больно сгядный, все недоволен, косо смотрит* [16. Вып. 37. С. 22]. Все они создаются путем семантической конденсации: усиление признака ведет к приобретению негативного значения.

Отметим, что мотив сглаза эксплицитно выражен в контекстах к исследуемым лексемам: волог. *несми́ла* 'недружелюбно': *Несмила взглянет на тебя человек хитрый, ты заболеешь – озык-от¹ будёт* [20], новг. *кру́то* 'с неприязнью': *Бывает, кто идет, взглянет на него круто, тот и упадет. Тоже его сглазили* [21. С. 466–467].

Однако недоброжелательный человек может предпочитать вообще не смотреть на объект неприязни, что, по-видимому, отражается в словах, входящих в гнездо *видеть*: арх. *ненави́стливый* 'недоброжелательный, злой, бранчивый' [16. Вып. 21. С. 91], ряз., омск. *ненавистно́й* 'недоброжелательный, злой', ср. также перм. *на глаза́ не принима́ть* 'испытывать сильную неприязнь к кому-, чему-л.' [11. С. 295], разг. *глаза бы не видели*.

Недоброжелательный человек зачастую выражает свое недовольство **вербально**, например волог. *фуньга́стый* 'недоброжелательный, неприветливый' ← 'ворчливый; постоянно недовольный' [16. Вып. 49. С. 179]. Недоброжелательность порождает стремление к осуждению и сплетням: волог., курган. *пересудли́вый* 'любящий обсуждать (обычно недоброжелательно) чьи-либо поступки, слова, действия, сплет-

ничать' [16. Вып. 26. С. 234] ← литер. *судить* 'осуждать, укорять, обвинять в чем-н.' [22. С. 956], *осуждать*. Другой пример: помор. *кичковать* 'жить недружно, постоянно ссориться, обижаться друг на друга' [14. С. 66] ← олон. *кичкатъ* 'дразнить (произнося слова кич-кич, киц-киц)' [16. Вып. 13. С. 248] ← карел. *киц-киц*, олон. *киць-киць* 'слово, которым подзывают овец' [16. Вып. 13. С. 244], беломор. *кыча-кыча* 'то же' [16. Вып. 16. С. 207], арх. *кычи* 'слово, которым подзывают домашнюю птицу' [16. Вып. 16. С. 208]. В последнем случае перенос происходит на основании сем 'дразнить' и 'обижаться' (с последующим смысловым развитием).

В печор. фразеологическом сочетании *как злая мельница* 'недоброжелательный, злой человек' [10. Т. 1. С. 308], по-видимому, образ мельницы используется для передачи идеи деструктивного воздействия, которая связана с представлениями о речевой агрессии: *Ругачий был мужик, всех-то выкостить*² *успевал, как зла мельница* [10. Т. 1. С. 308].

В том случае, когда напряжение в межличностном взаимодействии достигает определенного предела, могут возникать обоюдные упреки – споры (карел. *спорный* 'недружный': *Помню, старики говорили: «Баен много, дак спорна деревня»* [7. Т. 6. С. 267] ← 'задиристый, любящий спорить' [7. Т. 6. С. 267]) и ссоры (ср.-урал. *наперекосярдях* 'недружно': *Жывём с соседом, друг з друшке не ходим, жывём наперекосярдях* [23. Т. 2. С. 177] ← алт., том., амур., курган., тобол., челяб., волог. *перекосярдие(ье)* 'возражение, пререкание, перекоры; ссора' [16. Вып. 26. С. 130]).

Наконец, переосмысление может вызвать **внешний вид человека**, как в тюмен., тобол., ряз., ср.-прииртыш. *сурьёзно* 'угрюмо, недоброжелательно, сердито' [16. Вып. 42. С. 291], волог. *серьёзный* 'суровый, недоброжелательный' [7. Т. 6. С. 74–75], ряз., твер. *сурьёзный* 'угрюмый, необщительный, недружелюбный (о человеке)' [16. Вып. 42. С. 291] ← 'выглядящий глубокомысленно, сосредоточенно'. Внешняя строгость (или же вдумчивое настроение) может интерпретироваться как недоброжелательность, ср. также контекст *Она такая на взгляд несоюзливая, смотрит угрюмо* [23. Т. 2. С. 206].

По портретному принципу³, по-видимому, создавались волог., свердл., ср.-урал., *бутузиться* 'хмуро, недружелюбно смотреть' [16. Вып. 3. С. 314–315], перм., волог. *бутуситься*, арх. *бутуситься* 'то же' [16. Вып. 3. С. 315] ← арх., волог., новг., яросл., олон., новг. *бутус*, волог., перм., свердл. *бутус* 'хмурый, необщительный человек, глядящий исподлобья' [16. Вып. 3. С. 314] ← оренб., влад., ряз., калуж., смол. *бутуз*, тамб., курск. *бутус* 'полный, толстый человек' [16. Вып. 3. С. 314]. Подобное соотношение признаков может отражаться и в лексической семантике слов, принадлежащих данной группе, ср. забайкал. *пигляк* 'о толстом, низкорослом и недоброжелательном человеке' [16. Вып. 27. С. 20].

Наиболее близко к характеристикам поведения в исследуемом фрагменте лексической системы стоят лексемы, вписывающиеся в зоологический код.

По признаку разъяренного внешнего вида, представляемой опасности недоброжелательный человек

сравнивается с волком (арх. *волчаной* 'недружелюбный, злой, неприветливый' [25. Т. 2. С. 176]) или с быком (перм. *как бык* 'с недружелюбным видом, надувшись' [8. Вып. 1. С. 71]). Идея проявляемой агрессии отражается в арх. *забодаться (забыдаться)* 'о недружном совместном проживании': *Были бы рошки, дак, навёрно, забодались бы* [9. Вып. 15. С. 120–121], арх. *как косые коровы* 'о людях, которые живут недружно, враждуют': *Коровы там выйдут на пастбище и начнут бодаться, так и люди: стали жить как косы коровы* [25. Т. 5. С. 24]. Представление о шумных ссорах между людьми, испытывающими неприязнь друг к другу, заключается в смол. *слово собаки скрозь сгороду (жить)* 'недружно (жить)' [16. Вып. 38. С. 296].

Как мы видим, в осмыслении недоброжелательности играет немалую роль указание на **агрессию недружелюбно настроенного человека**, исходящую от него опасность, что реализуется также в ряде лексем с корнем *-вред-*: перм. *вредник* 'недоброжелательный, неприязненно настроенный мужчина', *вредительница* 'недоброжелательная, неприязненно настроенная женщина' [26. Вып. 1. С. 288], арх. *вредной* 'недоброжелательный, неприязненно настроенный, дурной (о человеке)', ср. арх. *вредной* 'социально опасный', 'способный причинить ущерб' [9. Вып. 6. С. 20–21].

Внутренняя форма арх. *заёдливый* 'недоброжелательный, злой' [9. Вып. 16. С. 347], свердл. *наеудушный* 'недоброжелательный, злой' [27. С. 321], по-видимому, несет в себе семантику нанесения вреда объекту неприязни, *недоброжелательный* человек буквально «съедает» того, к кому испытывает *неприязнь*, ср. также литер. *грызть кого-л.* 'надоедать кому-л. постоянными придирками, упреками, бранью; раздражать' [18. Т. 3. С. 452].

Мотивационно значимыми, по-видимому, оказались семы 'резкий', 'опасный' для смол. *крутэль* 'злой, недоброжелательный человек' [16. Вып. 15. С. 324], новг. *круто* 'с неприязнью' [21. С. 466–467].

Как уже было отмечено, неприязненность нарушает значительным образом традиционный уклад в обществе, определенным образом противоречит устоям, таким как общежитие, социальность в том понимании, которое предлагает Т.В. Леонтьева. Социальность, по определению исследовательницы, – это «качество, обеспечивающее непротиворечивое существование человека в общине» [29. С. 25]. Именно поэтому во внутреннюю форму лексем многообразно закладываются **социальные смыслы**, традиционные воззрения на общественные нормы, жизнь среди других людей. Обратимся к рассмотрению основных моделей.

Отсутствие добрых взаимоотношений отражается, прежде всего, в дериватах корня *друг-*: арх. *недружливый* 'недружный': *Какие все недружливые, несуседливые* [16. Вып. 21. С. 37], перм. *недружелюбливый* 'недружелюбный' [8. Вып. 1. С. 587], без указ. места *несдружливый* 'недружелюбный, неприветливый' [16. Вып. 21. С. 150].

Более того, недоброжелательность может приводить к **нарушению связей с социальной группой**, в которой человек существует. Это представление раскрывается в лексике, образованной от слова *союз*,

такой как карел. *несоюзный* 'неприветливый, недружный': *Какой народ противный, несоюзный, с людьми-то негожа, не любя людей* [7. Т. 4. С. 13], ср.-урал. *несоюзливый* 'неуживчивый, недружелюбный' [23. Т. 2. С. 206], перм. *несоюзно* 'недружно': *Оне братья, а как-то несоюзно жили, всё аркались*⁴. Сошлись опять, лико че делаюь, аркаются, готовы порвать друг дружку [СПГ 1: 11, 593].

В гнезде **mil-* (волог. *несміла* 'недружелюбно' [20]) исходными значениями были 'дружба, дружественный, любовный союз', 'связь' [30. Вып. 19. С. 46–48], т.е. первоначально существовала идея принадлежности к определенной группе.

В мотивационных отношениях лексем, принадлежащих данному отрезку семантического пространства, реализуется **оппозиция свой / чужой**. Недоброжелательный человек относится к чужому пространству: арх. *несво́чатый* 'о недружелюбном, замкнутом человеке; о человеке, который не поддерживает семейные отношения' [20] (< не свой), ср., например, карел. *сво́як* 'местный житель': *Много ли здесь в деревне? Сво́яко́в знают, а чужой приехал – все видят* [7. Т. 6. С. 20].

Неприязненно настроенные люди **не стремятся к непротиворечивому существованию с другими членами общины**. Так, например, без указ. места *нелюд* 'дурной народ, недоброжелательные люди' [16. Вып. 21. С. 75] относится к гнезду **lud-*. Е. Л. Березович указывает, что в лексемах этой группы «заострено внимание на способности вести себя, как положено среди людей, уживаться с людьми – соответствовать социально закрепленным нормам взаимоотношений» [31. С. 100]. *Нелюд* – это те члены общества, которые не следуют правилам, принятым в обществе.

Недоброжелательно настроенные люди не имеют желания советоваться с членами своей семьи (костром., самар., смол. *несоветный* 'несогласный, недружный': *Не спрашивают друг дружки, дак несоветная семья* [16. Вып. 21. С. 158], арх. *семья бессоветная* 'недружная семья, где происходят разногласия, ссоры' [16. Вып. 2. С. 277], вят. *несоветно* 'недружно' [32. Вып. 5. С. 237]), приходить к миру и согласию с односельчанами в целом (арх. *несогласный* 'несговорчивый, недружелюбный; немирный' [20], волог. *несогласованный* 'недружный' [7. Т. 4. С. 13], костром., новг. енис. *несогласливый* 'неуживчивый, недружный' [16. Вып. 21. С. 158], пск., смол. *неми́рный* 'недружественный, неприязненный' [16. Вып. 21. С. 81]).

Помимо акционального, поведенческого выражения недоброжелательности значимым оказывается вообще участие человека в социальной жизни. Недружелюбные люди **не стремятся к поддержанию отношений с другими**: арх. *несусе́дливый* 'недружный' [16. Вып. 21. С. 169]. Подобное пренебрежение соседским отношениями воспринимается как аномалия, ср. контекст: *Черну́-то дере́вню зва́ли «злоде́йкой» – вот ря́дом жы́вет сосе́т, а не дру́жым, то несосе́длив* [9. Вып. 11. С. 55–56].

Если взаимодействие все же происходит, то оказывается, что недоброжелательный человек из-за сво-

его крутого нрава не способен поддерживать отношения с другими людьми, ср. смол. *разгоні́ха* 'о женщине, которая своим поведением, неуживчивым нравом отталкивает от себя, разгоняет домочадцев' [16. Вып. 33. С. 309], нижегор. *разгоні́шка* ласк. 'то же' [16. Вып. 33. С. 310].

Значительную роль в изучаемом отрезке семантического пространства играют пространственные образы. Недоброжелательность связывается с **разъединением и отдалением**: волог. *непадко́й* 'нерасположенный': *Ваня-то непадко́й до нас* [33. С. 291], новг. *несведённый* 'недружный, склонный к ссоре (о ребенке)' [16. Вып. 21. С. 148] (об этом мотиве подробнее см. в [34]).

Неприязненно настроенный человек не способен существовать на общей с другими территории. Об этом свидетельствует курск., калуж., ворон. *несу́ютный* 'недружный, несогласный': *А другая заботушка – несую́тная семеюшка* [16. Вып. 21. С. 169], которое имеет префиксы *не-* и *су-* и корень *-ют-*, представленный также, например, в русск. *юти́ться* 'быть расположенным на небольшом пространстве', русск. яросл. *юта́ться* 'быть, находиться большую часть времени где-л.' [35. Вып. 10. С. 89]. В данном случае мотивационным импульсом для переноса значения, по-видимому, стала мысль о том, что недоброжелательно настроенные друг к другу, недружные люди не могут находиться в одном пространстве.

Предложенную версию поддерживает собранные Топонимической экспедицией Уральского университета и, кажется, ранее не фиксировавшиеся костр. лексемы *прикаю́тный* 'приезжий, неместный': *Приколо́тный буди это значит где-то не наши, откуда-то как-то он, не знаю – пристал ли, чего ли, сбоку, откуда-то появился. Приколо́тный – не наши, деревенский, так жить приехал. Тут-то все свои, а он как прикало́тный, приехал со стороны. Прикаю́тный, прикали́тный, приколо́тный – это одно и то же* [36], 'незванный (о госте)': *Прикаю́тный – как пришелец. Званого гостя ведь не назовут прикаю́тный, незванный как пришелец, тут никому ты не нужен* [36]. В данных словах мы видим префиксы *при-* и *ка-* и корень *-ют-*. Контексты ярко эксплицируют семантику общего пространства, по-видимому, заложенную как в корне лексемы *прикаю́тный*, так и *несую́тный*. Однако в последнем случае, как уже было отмечено, подчеркивается идея избегания таких территорий со стороны недоброжелательно настроенных людей.

Недоброжелатель предпочитает уединяться в «собственном пространстве»: волог., арх., перм., сиб. *угла́н* 'угрюмый, недоброжелательный, злой человек' [16. Вып. 46. С. 201–202]. Подобное стремление к одиночеству отражается и в контекстной семантике: ср.-урал. *Сосетка у меня шьт-ко несоюзлива, не бывала у меня; Я вот несоюзна, ни с кем не буду разговаривать, фсе́ одна да одна* [23. Т. 2. С. 206].

Пространственные образы оказываются тесно связанными с ритуалом гостения, который имеет четкую регламентацию в народной культуре. Отказ приходить в гости или нежелание принимать в гос-

тях воспринимается как нарушение долга, важнейших социальных норм (см. об этом, например, [37. С. 73, 86–87]): перм. *сидеть на заперте (на крючке, под бадогами)* ‘жить за постоянно замкнутой дверью, что является символом негостеприимства, недружелюбия’ [11. С. 329–330], перм. *ноги не замётывать* ‘не бывать у кого-л. в знак выражения неприязни’ [11. С. 131].

С традицией встречи гостей, как кажется, связан перм. *воду со льдом подать* ‘принять кого-л. холодно, негостеприимно; относиться недоброжелательно’ [11. С. 273]. Так, К.В. Осипова (Пьянкова) отмечает, что «через “кулинарные” образы могут интерпретироваться <...> нормы социального поведения» [38. С. 125]. Недоброжелательно настроенный хозяин не угощает своего гостя должным образом, что оскорбляет, в свою очередь, последнего, ср. контекст: *Чего я к им ходить буду? Раз пришла, дак штоось воду со льдом подали* [11. С. 273]. См. о традиции угощения в народной культуре подробнее в [37. С. 181–191; 39. С. 190–192]. Кроме того, здесь реализуется мотив холода для обозначения эмоциональных состояний, о чем будет сказано ниже.

Однако пространственные образы несут идею ненормативности такого типа поведения. Недоброжелательность связывается с хаосом: новг. *нескладный* ‘недружный’ [21. С. 642], ростов., яросл. *хавос* ‘ссора, недружелюбные взаимоотношения’ [16. Вып. 49. С. 227] < хаос. Нарушение пространственного порядка символически связывается с нарушением общественного порядка: смол. *невлагодне* ‘недружно, не в ладах’ [19. Вып. 7. С. 704] ← южн. *лагода* ‘лад; лады, мир’ ← *лагода* ‘порядок, устройство’ [16. Вып. 16. С. 223]; ряз. *лад (ладу) не берет (не возьмет, не взял)* ‘о ком-либо, живущем недружно, несогласно’ [16. Вып. 16. С. 227] ← литер. *лад* ‘порядок, слаженность’ [18. Т. 6. С. 21]. Таким образом, можно говорить, что недоброжелательно настроенные люди нарушают установленный порядок, вступая в противоречивые отношения.

В пространстве лексики со значением недоброжелательности встречаются языковые факты, подвергшиеся деонимизации, например нижнепечор. *как Ага и Палага* ‘вести себя недружелюбно по отношению друг к другу’: *Живь как Ага и Палага, ругаются сю жизнь* [10. Т. 1. С. 297]. По-видимому, данный фразеологизм включает в себя деминутив к личному имени Пелагея – *Палага*. Второй компонент сочетания, возможно, создавался путем редупликации. Однако также стоит учесть, что также существует деминутив *Ага* к имени *Агния* (о парных сочетаниях с негативной семантикой писала также Л.А. Феоктистова [40, 41]).

Во внутреннюю форму исследуемых лексем могут закладываться представления об ощущениях от общения с недоброжелательно настроенными людьми, как, например, в арх. *остудный* ‘недоброжелательный, злой; вредный’ [16. Вып. 24. С. 92], сарат. *от кого-л. стужей несет* ‘о человеке, неприязненно относящемся к кому-ли’ [16. Вып. 42. С. 77], а также уже упоминавшееся перм. *воду со льдом подать*

‘принять кого-л. холодно, негостеприимно; относительно недоброжелательно’ [11. С. 273].

Думается, мотивационным импульсом для переноса значения стало то, что холод связывается с внутренним равнодушием человека к чему-либо, ср. курск. *постылица* ‘утрата расположения, любви’ [16. Вып. 30. С. 245]. Напротив, жар и тепло означают доброе, сердечное отношение к кому-либо, ср. *тёплый прием, согреть улыбкой*. Психологическую основу такого явления объясняет А.Х. Мерзлякова на примере переноса фр. *l'eau chaude* ‘теплая вода’ → *une chaude amitié* ‘теплая дружба’: «Перенос реализуется в результате возникновения в сознании симулятивной связи между двумя признаками, возбуждающими в памяти общее психологическое состояние», а именно приятное ощущение [42. С. 75].

Во внутреннюю форму исследуемых лексем может закладываться аксиологическая оценка недоброжелательности. Нарушение норм общежития, мирного сосуществования людей в социуме воспринимается как отступление от важнейших моральных принципов, совести, ср. карел. *несовестно* ‘недружно, ссорясь’ [7. Т. 4. С. 13]. Более того, недружное сосуществование оценивается как грех: *грешить* арх., карел., волог., мурман. ‘сориться, жить недружно’ [7. Т. 1. С. 394], перм. ‘то же’ [8. Вып. 1. С. 187], ср.-урал. ‘то же’ [23. Т. 1. С. 126], карел., арх. *грешиться* ‘то же’ [23. Т. 1. С. 396], ср. карел. контекст: *Дочка-то теперь больше в Медвежке живет, плохо с мужем, грешат все* [7. Т. 1. С. 394].

В некоторых случаях недоброжелательность может оцениваться символически. В наименованиях субъектов неприязненности отражаются мифологические представления. Так, например, строится внутренняя форма волог. лексемы *лихоманка* ‘недоброжелательная, неприятная особа’: *Не добрая она для меня лихоманка* [33. С. 236]. Думается, что данное слово связано мотивационными отношениями со словами новг., волог. *лихо* бран. ‘нечистая сила, черт’ [7. Т. 3. С. 131], курск. *лихоман* ‘дьявол, черт’ [16. Вып. 17. С. 79], яросл. *лихоманник* ‘в суеверных представлениях – сверхъестественное существо, живущее в лесу, леший’ [16. Вып. 17. С. 80]. Как отмечают Е.Л. Березович и Л.Н. Виноградова, согласно славянской народной демонологии, черт может вселиться в тело человека, «одержимый чертом становится злым, агрессивным, склонным к дракам и убийству» [43. С. 525], ср. также влад. *ляд* ‘недоброжелатель’ ← диал. шир. распр. *ляд* ‘черт’ [16. Вып. 17. С. 259].

Тем не менее мы знаем, что неприязненный настрой к кому-либо зачастую в народной аксиологии связывается со злобностью человека, его агрессивным характером. Это зачастую отражает в комплексной семантике лексем, а также в контекстах, например арх. *заёдливой* ‘недоброжелательный, злой’: *Такой народ заёдливый, сами себе задирающая* [9. Вып. 16. С. 347], новг. *гады шипатые* ‘о злобных, недоброжелательных людях’: *Люди в Мануйлове очень неприязливые, враждебно настроенные против друиых; незнакомого человека рассматривают со стороны и переищтываются. Это ведь гады шипатые, они и себя-то не любят* [21. С. 155]. Ввиду подобной связи

двух семантических областей можно предположить, что в качестве мотивирующего значения для волог. *лихомáнка* 'недоброжелательная, неприятная особа' могли выступать ярсл., волог., вост. *лихомáнник* 'злой, вредный человек, недоброжелатель' [16. Вып. 17. С. 80].

Третья версия связана с предположением об использовании приведенной лексемы как бранной. В таком случае возможно думать о возникновении экспрессивного образования от названия болезни: волог. *лихомáнка* 'лихорадка' [33. С. 236], обл. *лихомáнка* 'болезненное горячее состояние, лихорадка' [22. С. 411], ср. прост. бран. *веред, зараза, паршивец* и т.д.

Архаичные представления, по-видимому, отражены в арх. *тёмнокрóвой* 'человек с тяжелым, недоброжелательным характером' [44. С. 338]. Лексемы с корнями *тёмн-* и *крóв-* несут в себе семантику самых разных негативных эмоций (высокомерие, недоброжелательность, а также злоба, на что указывают *темнокрóвый* волог. 'полный злобы, злости, злой' [45. Т. 11. С. 14], новг., волог. 'злой, мстительный, мрачный' [16. Вып. 44. С. 29], ср. также новг. *змея темнокрóвая* 'бранное выражение': *Вот такая змея была темнокрóвая* [16. Вып. 44. С. 29]. Мотивация приведенных лексем, по-видимому, объясняется славянскими представлениями о том, что кровь является средоточием жизни, души [46. С. 677].

Негативная оценка черного цвета в культуре, по-видимому, стала мотивационным импульсом для возникновения арх. *чёрная деревня* 'недружное деревенское общество': *Чёрну́-то деревню́ зва́ли «злоде́йкой» – вот ря́дом жи́вет сосе́д, а не дру́жым, то несосе́дливы* [9. Вып. 11. С. 55–56]. О. В. Белова отмечает, что черный цвет у славян связывается со злобой [47. С. 514]. Символика черного в культуре, очевидно, сыграла роль и для формирования ворон. *кара́ка* 'о недоброжелательных и потому нелюбимых всеми людьми' [16. Вып. 13. С. 70], ср. литер. *кара́ковый* 'темно-гнедой, почти вороной, с подпалинами в пахах и на морде (о масте лошади)' [18. Т. 5. С. 800], ворон. *кара́ка* 'прозвище черноволосого, смуглого человека' [16. Вып. 13. С. 70].

Наконец, источником мотивации могут становиться и общие свойства тел и веществ. Так, например, перм. *коко́ра* 'о женщине недоброжелательной, неприязненно настроенной к другим': *Это уж така коко́ра; сама все време стонет и другим жизнь отравляет; шибко уж недовольная, вредная* [8. Вып. 1. С. 402], вероятно, развивает свое значение от перм. *коко́ра* 'о чем-л. твердом, жестком' [8. Вып. 1. С. 402], ср. литер. *жёсткий* 'суровый, резкий' [18. Т. 4. С. 94].

Заключение

Итак, нами был осуществлен семантико-мотивационный анализ русских диалектных лексем и фразеологизмов, которые называют недоброжелательно настроенного человека и его поведение. В ходе работы также была произведена семантико-мотивационная и этимологическая интерпретация ряда лексем и фразеологизмов, которые до сих пор не были прокомментированы в лингвистической литературе (*ки́чковать, буту́зиться, невлаго́дне, коко́ра, заёдливы́й, кара́ка, чёрная дере́вня, как А́га и Пала́га, несую́тный, прикаю́тный* и т.д.).

Проведенный анализ позволил нам реконструировать основные черты образа недоброжелателя в традиционной культуре. Воплощая представления о внешности недружелюбного человека, язык отмечает его хмурость и строгость, неприязненный взгляд. В своем поведении такой человек склонен к вербальному выражению неудовольствия, что может приводить к спорам, ссорам, разрыву отношений с окружающими. Недоброжелатель опасен, он способен к причинению физического вреда и наведению сглаза.

Если говорить о существовании неприязненно настроенного человека в обществе, то он предпочитает уединение нахождению среди односельчан, не поддерживает связи с ними. Другим людям также неприятно его общество. Недружелюбие оценивается негативно и воспринимается как отклонение от социальных и моральных норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волог. *о́зык* 'сглаз' [20].

² Печор. *касти́ть, костить* 'ругать, бранить' [24. Т. 1. С. 305].

³ О подобном типе лексического значения, распространенном в диалектах, пишет О. В. Мищенко и называет его типажным. «Для диалектизмов такого рода весьма частотна ситуация, когда в лексическом значении представлен не отдельный признак, отражающий какую-либо внешнюю или внутреннюю человеческую черту, взятую отвлеченно (например, 'высокий', 'низкий' <...>), а комплексная характеристика человека, некий человеческий типаж» [28. С. 479].

⁴ Перм. *а́ркатся* 'ссориться, грызться, ругаться' [8. Вып. 1. С. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л., Леонтьева Т.В. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект // Язык культуры: семантика и грамматика: к 80-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого. М.: Индрик, 2004. С. 368–384.
2. Кучко В.С. Обман и обманщики в говорах вологодско-костромского пограничья // Живая старина. 2016. № 2 (90). С. 52–55.
3. Малькова Я.В. Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 3. С. 47–56.
4. Еремина М.А., Леонтьева Т.В., Щетинина А.А. Галерея лингвистических портретов социальных типажей / отв. ред. Т.В. Леонтьева. Екатеринбург: Ажур, 2018.
5. Синица Н.А. Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017.
6. Кривошапова Ю.А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
7. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

8. Словарь пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь : Книжный мир, 1999–2002.
9. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. Вып. 1.
10. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н.А. Ставшина. СПб. : Наука, 2008.
11. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.
12. Ясинская М.В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
13. Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И.И. Муллонен. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011.
14. Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск : Мурман. КН. изд-во, 1979.
15. Грандильевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова : областной крестьянский говор. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1907.
16. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.; СПб. : Наука, 1965. Вып. 1.
17. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М. : Индрик, 2008.
18. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А.А. Шахматова. М.; Л. : Наука, 1948–1965.
19. Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л.З. Бояринова, А.И. Иванова. Смоленск : СГПИ / СГПУ, 1974–2005.
20. Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
21. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН ; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.
22. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007.
23. Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А.К. Матвеева. Свердловск : Среднеурал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
24. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003–2005.
25. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1.
26. Словарь русских говоров севера Пермского края / Перм. гос. ун-т ; гл. ред. И.И. Русинова. Пермь : ПГУ, 2011. Вып. 1.
27. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996.
28. Мищенко О.В. Некоторые наблюдения над семантикой диалектных слов // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / отв. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 478–499.
29. Леонтьева Т.В. Лексика социальной регуляции в русских народных говорах / науч. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013.
30. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974. Вып. 1.
31. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
32. Областной словарь вятских говоров / ВятГГУ ; под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров : Коннетика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996. Вып. 1.
33. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.И. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2006.
34. Малькова Я.В. Пространственные образы в обозначениях чувства отвращения, неприятия (на материале лексики русских народных говоров) // Научный диалог. 2018. № 12. С. 119–132.
35. Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1990.
36. Лексическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
37. Кабакова Г.И. Русские традиции застолья и гостеприимства. М. : Неолит; Форум, 2015.
38. Пьянкова К.В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
39. Леонтьева Т.В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015.
40. Феоктистова Л.А. Еще раз о рус. диал. тюха-матюха (тюха-пантюха) // Научный диалог. 2017. № 10. С. 98–110.
41. Феоктистова Л.А. К этимологии рус. диал. тюха (да) матюха (-пантюха) да колупай с братом и под. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 61–69.
42. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). М. : Едиториал УРСС, 2003.
43. Березович Е.Л., Виноградова Л.Н. Черт // Славянские древности: Этнолингв. словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого; редкол.: С.М. Толстая (отв. ред.), Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, В.Я. Петрухин. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М. : Междунар. отношения, 2014. С. 519–527.
44. Устьянский народный словарь / ред. А.А. Истомин [и др.]. 2-е изд., испр. Октябрьский : Устьяновский краеведческий музей [и др.], 2013.
45. Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Л.Ю. Зориной, Т.Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
46. Белова О.В. Кровь // Славянские древности: Этнолингв. словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого; редкол.: С.М. Толстая (отв. ред.), Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, В.Я. Петрухин. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). М. : Междунар. отношения, 1999. С. 577–681.
47. Белова О.В. Черный цвет // Славянские древности: Этнолингв. словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого; редкол.: С.М. Толстая (отв. ред.), Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, В.Я. Петрухин. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М. : Междунар. отношения, 2014. С. 513–518.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 декабря 2020 г.

The Image of a Malevolent Person Based on Language Data: Semantic and Motivational Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 22–30.

DOI: 10.17223/15617793/462/3

Yana V. Malkova, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: yana-malkova@list.ru

Keywords: Russian dialect lexical units; ethnolinguistic portrait; semantic and motivational reconstruction; lexical units for emotions.

This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00223.

The article aims at constructing the image of a malevolent person based on language data. Lexical and phraseological units, found in Russian dialect dictionaries and in the unpublished catalog of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University, are

the research materials. While studying the image of an unfriendly person, the author rests upon the method of ethnolinguistic portraiture that includes a semantic and motivational analysis of lexical and phraseological units belonging to the field and use of a wide cultural background. Besides, the work reconstructs and etymologically interprets a number of language facts. The article presents the material on the basis of the thematic principle. First, the author focuses on the interpretation of language facts that explicate ideas on the appearance and behavior of a hostile person. Then characteristics of the interaction of a malevolent person with the society come into the field of view. In conclusion, data that indicate the assessment of an unfriendly person by other members of society are given. As a result of the study, the author proves the existence of the specifics of the manifestation of a malevolent person's image in traditional culture. A malevolent person is attributed with certain behavioral features. In general, according to the language data, a malevolent person is characterized with dismal or mean appearance (Vologda region *ser'yoyny* "tough, malevolent", Arkhangelsk region *volchanoy* "malevolent, mean, unfriendly"). A hostile person is attributed with a specific indirect type of looking (Pomor dialect *kosukha* "a mean, unfriendly woman"), which can witch you. A malevolent person can also express his/her displeasure verbally, by swearing, arguing, insulting others (Middle Ural dialect *naperekoserdnyakh* "disunitedly" ← Kurgan, Chelyabinsk, Vologda regions *perekoserdie* ("e) "objection, bickering, squabble; quarrel"). The most important feature is aggression coming from this person (Perm region *vreditel'nitsa* "a malevolent, hostile woman"). A malevolent person can harm someone, that is why people are beware of him/her. An indication of a malevolent person's existence among fellow residents occupies an important place in his/her language portrait. In particular, such a person does not strive to comply with the society rules (Vyatka region *nesovetno* "disunitedly"), to preserve relations with others (Arkhangelsk region *nesusedlivyy* "disunited"), and that is why s/he becomes excluded from his/her group (Karelia region *nesoyuznyy* "unfriendly, disunited"). Other society members evaluate such malevolence manifestation as a violation of the most important rules and therefore disapprove of it (Karelia region *nesovestno* "disunitedly, arguing"). The article also interprets a number of lexical and phraseological units, which have not been commented in the linguistic literature (*kichkovat'*, *butuzit'sya*, *nevlagodnye*, *kokora*, *zaedlivyy*, *karaka*, *chyornaya derevnya*, *kak Aga i Palaga*, *nesuyutnyy*, *prikayutnyy*, etc.), in a semantic and motivational and etymological way.

REFERENCES

1. Berezovich, E.L. & Leont'eva, T.V. (2004) Yazykovoy obraz duraka: etnolingvisticheskiy aspekt [Linguistic image of a fool: An ethnolinguistic aspect]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya akad. N.I. Tolstogo* [Language of culture: Semantics and grammar: To the 80th anniversary of the birth of Academician N.I. Tolstoy]. Moscow: Indrik. pp. 368–384.
2. Kuchko, V.S. (2016) Obman i obmanshchiki v govorakh vologodsko-kostromskogo pogranič'ya [Deception and deceivers in the dialects of the Vologda-Kostroma borderland]. *Zhivaya starina*. 2 (90). pp. 52–55.
3. Mal'kova, Ya.V. (2019) Reflection of love rivalry in dialect lexis (Based on examples from the Russian north dialects). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 11 (3). pp. 47–56. (In Russian). DOI: 10.17072/2073-6681-2019-3-47-56
4. Eremina, M.A., Leont'eva, T.V. & Shchetinina, A.A. (2018) *Galereya lingvisticheskikh portretov sotsial'nykh tipazhey* [Gallery of linguistic portraits of social types]. Yekaterinburg: Azhur.
5. Sinitsa, N.A. (2017) *Portretirovanie kak metodika etnolingvisticheskikh issledovaniy (na materiale obrazov svyashchennosluzhiteley v slavyanskikh yazykakh)* [Portrayal as a technique of ethnolinguistic research (based on images of clergy in Slavic languages)]. Philology Cand. Diss. Ye kate-rinburg.
6. Krivoschapova, Yu.A. (2007) *Russkaya entomologicheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii* [Russian entomological vocabulary in ethnolinguistic coverage]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
7. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey: v 6 t.* [Dictionary of Russian subdialects of Karelia and adjacent regions: In 6 volumes]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
8. Borisova, A.N. & Prokosheva, K.N. (eds) (1999–2002) *Slovar' permskikh govorov: v 2 vyp.* [Dictionary of Perm subdialects: In 2 volumes]. Perm: Knizhnyy mir.
9. Getsova, O.G. (ed.) (1980) *Arkhangelskiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
10. Stavshina, N.A. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory: v 2 t.* [Phraseological dictionary of Russian subdialects of the Lower Pechora: In 2 volumes]. St. Petersburg: Nauka.
11. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm subdialects]. Perm: Perm State Pedagogical University.
12. Yasinskaya, M.V. (2015) *Predstavleniya o glazakh i zrenii v yazyke i traditsionnoy kul'ture slavyan* [Ideas of eyes and vision in the language and traditional culture of the Slavs]. Philology Cand. Diss. Moscow.
13. Durov, I.M. (2011) *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic usage]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.
14. Merkur'ev, I.S. (1979) *Zhivaya rech' kol'skikh pomorov* [Live speech of the Kola Pomors]. Murmansk: Murman. KN. izd-vo.
15. Grandilevskiy, A. (1907) *Rodina Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova: oblastnoy krest'yanskiy govor* [Homeland of Mikhail Lomonosov: Regional peasant subdialect]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
16. Filin, F.P., Sorokotelov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk subdialects]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka.
17. Tolstaya, S.M. (2008) *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoy perspektive* [The space of word. Lexical semantics in a common Slavic perspective]. Moscow: Indrik.
18. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian standard language: In 17 volumes]. Moscow; Leningrad: Nauka.
19. Boyarinova, L.Z. & Ivanova, A.I. (eds) (1974–2005) *Slovar' smolenskikh govorov: v 11 vyp.* [Dictionary of Smolensk subdialects: In 11 volumes]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute/University.
20. Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University. (n.d.) *The card file of the Dictionary of Dialects of the Russian North*. Yekaterinburg. (In Russian).
21. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod regional dictionary]. St. Petersburg: Nauka.

22. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2007) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with data on the origin of words]. Moscow: Azbukovnik.
23. Matveeva, A.K. (ed.) (1964–1987) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: v 7 t.* [Dictionary of Russian subdialects of the Middle Urals: In 7 volumes]. Sverdlovsk: Sredneural. kn. izd-vo: Ural State University.
24. Ivashko, L.A. (ed.) (2003–2005) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory: v 2 t.* [Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: In 2 volumes]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University: St. Petersburg State University.
25. Matveev, A.K. & Rut, M.E. (eds) (2001) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural State University.
26. Rusinova, I.I. (ed.) (2011) *Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraya* [Dictionary of Russian dialects of the north of Perm Krai]. Vol. 1. Perm: Perm State University.
27. Matveev, A.K. (ed.) (1996) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. Dopolneniya* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals. Supplements]. Yekaterinburg: Ural State University.
28. Mishchenko, O.V. (2017) Nekotorye nablyudeniya nad semantikoy dialektnykh slov [Some observations on the semantics of dialect words]. In: Berezovich, E.L. (ed.) *V sozvezdii slov i imen: sb. nauch. st. k yubileyu Marii Eduardovny Rut* [In the constellation of words and names: Collection of articles to the anniversary of Maria E. Ruth]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 478–499.
29. Leont'eva, T.V. (2013) *Leksika sotsial'noy regul'yatsii v russkikh narodnykh govorakh* [Lexicon of social regulation in Russian folk dialects]. Yekaterinburg: Russian State Vocational-Pedagogical University.
30. Trubachev, O.N. & Zhuravlev, A.F. (eds) (1974) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
31. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: Ethnolinguistic studies]. Moscow: Indrik.
32. Dolgushev, V.G. & Smetanina, Z.V. (eds) (1996) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional dictionary of Vyatka dialects]. Vol. 1. Kirov: Konnetika: Izd-vo VyatGGU: Raduga-PRESS.
33. Levichkin, A.I. & Myznikov, S.A. (2006) *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 g.* [Dictionary of the regional Vologda dialect. Based on the 1902 manuscript by P.A. Dilaktorsky]. St. Petersburg: Nauka.
34. Mal'kova, Ya.V. (2018) Spatial images in nominations of feelings of disgust and rejection (On material of Russian dialect lexis). *Nauchnyy dialog*. 12. pp. 119–132. (In Russian). 10.24224/2227-1295-2018-11-119-132
35. Mel'nichenko, G.G. (ed.) (1990) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar': v 10 vyp.* [Yaroslavl regional dictionary: In 10 volumes]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical Institute.
36. Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University. (n.d.) *The lexical card file of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University*. Yekaterinburg. (In Russian).
37. Kabakova, G.I. (2015) *Russkie traditsii zastol'ya i gostepriimstva* [Russian traditions of feasts and hospitality]. Moscow: Neolit; Forum.
38. P'yankova, K.V. (2008) *Leksika, oboznachayushchaya kategorial'nye priznaki pishchi, v russkoy yazykovoy traditsii: etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary denoting categorical features of food in the Russian language tradition: An ethnolinguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
39. Leont'eva, T.V. (2015) *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii* [Models and spheres of socio-regulatory semantics representation in the Russian language tradition]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
40. Feoktistova, L.A. (2017) Once more on Russian dialect tyukha-matyukha (tyukha-pantyukha). *Nauchnyy dialog*. 10. pp. 98–110. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-98-110
41. Feoktistova, L.A. (2018) On the etymology of Russian dialectal tyukha (da) matyukha, tyukha (da) pantyukha (da kolupay s bratom) and others. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 61–69. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/7
42. Merzlyakova, A.Kh. (2003) *Tipy semanticheskogo var'irovaniya prilagatel'nykh polya "Vospriyatie" (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Types of semantic variation of the adjectives of the field "perception" (on the material of English, Russian and French)]. Moscow: Editorial URSS.
43. Berezovich, E.L. & Vinogradova, L.N. (2014) Chert [Chort]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingv. slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. pp. 519–527.
44. Istomin, A.A. et al. (eds) (2013) *Ust'yanskiy narodnyy slovar'* [Ustyansky folk dictionary]. 2nd ed. Oktyabrsky: Ustyansky Museum of Local Lore.
45. Zorina, L.Yu. & Panikarovskaya, T.G. (eds) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov: v 12 t.* [Dictionary of Vologda dialects: In 12 volumes]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute/University.
46. Belova, O.V. (1999) Krov' [Blood]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingv. slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. pp. 577–681.
47. Belova, O.V. (2014) Chernyy tsvet [Black color]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingv. slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. pp. 513–518.

Received: 01 December 2020